

УДК 811.161

ПРИМЕТЫ ЭПОХИ И ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКЕ КОНЦА XX ВЕКА

© Юан Дунбинь, Елена Хабибуллина

SIGNS OF THE ERA AND PRECEDENT PHENOMENA IN LITERARY FAIRY TALES IN THE LATE 20TH CENTURY

Yuan Dongbin, Elena Khabibullina

The article studies children's literary fairy tales and continues the previous research. The object of the analysis is the features caused by extralinguistic factors and the influence of general tendencies of the era. In particular, the article investigates the text elements, which actually serve as chronological markers, referring the text to a certain historical interval, in this work it is the period of the 1990s. The analysis is based on the text of E. Uspensky's fairy tale "Uncle Fedor's Aunt, or the Flight from Prostokvashino". It proves that this work is characterized by the typical features of its time: the lack of restrictions in the choice of language means, the determining use of words and expressions with reduced stylistic coloring and the active use of such stylistic means as a language game, conveying the author's irony and his aspiration to entice the reader with expressiveness. It contains frequent references to phenomena connected with the Soviet era and followed by ironical interpretations. The article shows how changes in the social and political establishment cause the inclusion of details (some of them inadmissible earlier), representing chronological markers of modern times. It also illustrates the provision that during this period, humor and irony in the works for children, in reality, are meant for the perception of adult readers, as owing to the changes of ideological vectors, serious distinctions emerge in the structure of precedent phenomena in representatives of different generations.

Keywords: literary fairy tale, analysis of the text, precedent phenomena, pun.

Статья посвящена изучению литературной детской сказки и продолжает начатое ранее исследование. Объектом анализа становятся те особенности произведения, появление которых обусловлено экстралингвистическими факторами, влиянием общих тенденций эпохи. В частности, исследуются элементы текста, которые фактически выполняют роль хронологических помет, фиксирующих принадлежность текста к конкретному историческому отрезку времени. В данной работе таким является период до середины 90-х гг. XX века. Материалом анализа послужил текст сказки Э. Успенского «Тетя дяди Федора, или побег из Простоквашино». Доказывается, что в данном произведении реализуются типичные черты времени: отсутствие ограничений в выборе языковых средств, обуславливающее употребление слов и выражений со сниженной стилистической окраской; активное использование таких стилистических средств, как языковая игра, для передачи авторской иронии; стремление завлечь читателя экспрессией. Отмечено такое явление, как частотное включение в текст обращений к прецедентным феноменам, связанным с эпохой советского времени, сопровождающееся их ироническим переосмыслением. Продемонстрировано, как изменения общественно-политического устройства обуславливают включение в текст деталей (в том числе недопустимых ранее), представляющих собой хронологические пометы нового времени. Проиллюстрировано положение о том, что юмор и ирония в произведениях для детей в этот период в реальности рассчитаны на восприятие взрослого читателя, поскольку вследствие смены идеологических векторов возникают серьезные различия состава прецедентных феноменов у разных поколений.

Ключевые слова: литературная сказка, анализ текста, прецедентные феномены, каламбур.

В настоящей работе мы продолжаем исследование языковых особенностей современной литературной сказки [Юан, Хабибуллина], в данном случае – 90-х гг. XX века. Объектом нашего внимания являются хронологические по-

ты, являющиеся иллюстрацией объективных реалий периода, когда создавалось произведение, а также отражение в тексте литературной сказки типичных черт художественных текстов того времени. Сравнивая советский и постсоветский

периоды развития литературной сказки, исследователи делают выводы о том, что произведения конца XX – начала XXI века имеют ряд особенностей, отражающих дух времени: неприятие дидактизма, отказ от цензуры обусловили появление произведений, которые нарушают сложившиеся за долгие годы традиции детской литературы, их сюжеты, герои, язык – все подчинено стремлению к коммерческому успеху [Арзамасцева, Николаева, с. 470–472].

Говоря об особенностях произведений для детей этого периода, можно отметить такую черту, как практически неограниченная свобода в выборе языковых средств, позволяющая авторам вводить в свои тексты слова и выражения со сниженной стилистической окраской, а также жаргонизмы. Это происходило на фоне и под влиянием общезыковой тенденции активного внедрения стилистически сниженных и нелитературных языковых элементов в тексты СМИ, приучавших читателя и слушателя к тому, что запретного для употребления в речи практически не остается. Безусловно, подобные проявления можно встретить и в литературной детской сказке, хотя именно в этом жанре, адресованном преимущественно детям дошкольного и младшего школьного возраста, употребление жаргонизмов, аргоизмов, просторечия, а также нарушение языковой нормы должно быть минимизировано.

Еще одной особенностью литературной сказки того времени можно назвать ее ориентированность на отражение сиюминутных реалий. Проблема заключается в том, что детали, злободневные для того периода, для современного читателя являются неактуальными, и вследствие этого затрудняется понимание текста. Здесь работает четкая закономерность: чем больше в произведении злободневного, тем быстрее оно устаревает.

Для того чтобы проиллюстрировать выказанные положения, обратимся к текстам сказок, созданных таким признанным мастером детской литературы, как Э. Успенский. Нами был проведен анализ его произведения, увидевшего свет в описываемый период, – это сказка «Тетя дяди Федора, или побег из Простоквашино» (1994). Данное произведение является продолжением известной серии сказок об обитателях деревни Простоквашино.

В сказке «Тетя дяди Федора» ярко отражены реалии начала девяностых годов XX века, связанные с изменением общественно-политических и экономических отношений в российском обществе. Если в сказке «Дядя Федор, пес и кот», вышедшей в свет в 1974 году, автор использует

типично сказочный сюжетный ход – поиск и нахождение клада – для того, чтобы объяснить, как героям, которые самостоятельно не могут зарабатывать на жизнь, удалось обеспечить свое благосостояние, и этим обращение к материальной тематике ограничивается, то двадцать лет спустя доступным источником доходов оказывается предпринимательство:

А Матроскин обрадовался:

- Нам лишний хозяйственный работник никогда не помешает. Мы тут забурили совсем в сельской местности, закисли, темпы теряем. **Кругом люди фирмы открывают, лапти плетут для иностранцев.** А мы ушами хлопаем. Нам нужны свежие силы [Успенский].

В этих размышлениях в комической форме отражена типичная черта сознания российского обывателя того времени: уверенность в том, что залогом успешного бизнеса является его ориентированность на внешнюю торговлю.

Такая примета эпохи, как пропаганда необходимости перехода к капиталистическим отношениям и отказа от социалистических основ построения общества как от устаревших, также фиксируется автором в диалоге героев в сельском магазине:

Продавец отвечает:

- У нас сейчас любые кровати есть. Хоть на колесах, хоть с моторчиком. **У нас в деревне капитализм наступил.**

- Хорошо, – говорит дядя Фёдор, – давайте посмотрим ваши кровати.

- А чего их смотреть? – говорит продавец. – Вы скажите, какая кровать вам нужна. Мы нажмём кнопку, и дядя Вася вам её со склада притащит.

- Какой-то странный у вас капитализм наступил, – говорит Матроскин. – И кроватей у вас завались, и кнопки есть, а дядя Вася всё так же на себе тяжести таскает, **как при развитом социализме** [Там же].

В данном отрывке обращает на себя внимание использование общественно-политической терминологии, а именно наименований типов политического строя (*капитализм, развитый социализм*). Учитывая, что текст предназначен для детей младшего школьного возраста, а изучение истории начинается в средней школе, можно усомниться в том, что современный читатель-ребенок способен понять, о чем идет речь, – в отличие от своего ровесника советского периода, который эту информацию получал раньше (уже в детском саду ребенка знакомили с историей революции 1917 года). Безусловно, поймет иронию автора только взрослый читатель. И здесь надо отметить, что в рассматриваемый период проис-

ходит явная переориентация юмора и иронии в детских сказках именно на восприятие взрослого человека [Арзамасцева, Николаева, с. 471]. Те речевые штампы, что были объектом осмеяния сначала в подпольной литературе, в анекдотах, потом в перестроечной публицистике, появляются в таком же качестве и в текстах для детей. В детских произведениях советского периода такое было бы невозможным, там встречаются примеры иронии по поводу неуместного использования канцеляризмов: *На седьмой день они заседали, как прежде, и вопрос стоял о мяче и чижее. Только пока еще не было ясно, что именно лучше купить* [Голявкин]. За этим не было идеологической подоплеки, авторы боролись за чистоту и богатство языка, в новое же время источником комизма становятся именно идеологически важные для советского общества моменты, связанные с определенными личностями, с историческими реалиями. В некоторых случаях возникает сомнение в том, что ребенку действительно будет понятен юмор автора, например, в следующих случаях:

1) Печкин, как Чапаев, с сумкой в руке через речку поплыл... [Успенский].

2) Или ты, Матроскин, – говорит тётя Тамара, – как часто ты заглядываешь в книги товарища **Мичурина**? Это был садовод такой прогрессивный. Мне в армии про него много рассказывали. Особенно про его трагическую гибель.

– А как трагически погиб товарищ Мичурин? – спросил бывший ординарец Иванов-оглы. – Упал с выращенной им клубники... Или с огурца. Представляете, какой это был огурец! [Там же]

3) Это означало, что все отдыхают просто так, а кот Матроскин на кухне отдыхает за кастрюлями. И начало в нём закипать **революционное возмущение**. ...Вечером<...> кот Матроскин решил создать **подпольную организацию**. Он пригласил всех своих в подпол. <...>

– Вы как хотите, – говорит Матроскин, – а так жить нельзя.

– Правильно, – согласился папа. – **Назревает революционная ситуация. Низы не могут, а верхи** (он постучал пальцем в потолок) **не хотят жить** по-старому. Галчонок Хватайка сразу закричал:

– Кто там? Кто там?

– Там они, – ответил папа, – **чёрные полковники**. [Там же]

В первом фрагменте используется прецедентное имя *Чапаев*, но здесь эта историческая личность упоминается не как легендарный комдив периода Гражданской войны, а, скорее, как персонаж многочисленных анекдотов. В детской

среде советского времени они были достаточно популярны, при этом дети были хорошо информированы, о ком идет речь, по известному фильму знали прецедентную ситуацию (Чапаев тонет, раненым переплывая Урал). В данном контексте с Чапаевым сравнивается почтальон Печкин, личность абсолютно негероическая, на этом, очевидно, строился комизм автора, а поводом для сравнения послужила общая смысловая точка в эпизоде сказки и в инварианте восприятия прецедентной ситуации: раненному в руку комдиву было трудно плыть // Печкину трудно плыть, держа в руке сумку. С изменением отношения к Гражданской войне в постсоветское время изменилось и отношение к ее героям, о Чапаеве практически перестали упоминать, популярный ранее фильм не показывают, по этой причине анекдоты о нем стали неактуальны у детей, поскольку имена их персонажей не были связаны с конкретными образами, то есть данный феномен не фигурирует как прецедентный – вербальный или визуальный [Мардиева, с. 203–204].

Во втором фрагменте упоминается имя русского селекционера, садовода-генетика И. В. Мичурина. Его деятельность и достижения популяризировались, так что имя ученого стало прецедентным, инвариант восприятия – ученый, который путем экспериментов выводит необычные сорта растений, в шутку этим именем часто называют любого увлеченного и удачливого садовода. В сказке Э. Успенского Мичурин, как и Чапаев, упоминается не как реальное историческое лицо, мы видим фактически цитату из анекдота об ученом, типа: *Полез Мичурин как-то за укропом на березу, тут его арбузом и накрыло!* Комментируя данный пример, можно отметить, что здесь ребенку доступно понимание комизма ситуации, поскольку ясна ее абсурдность. При этом, не имея информации о том, кто такой Мичурин, он может не понять иронию автора, направленную на героиню, в речи которой встречается упоминание имени ученого: она ничего не знает об известном селекционере и принимает анекдот о нем за реальную историю.

В третьем примере обыгрывается тема Октябрьской революции 1917 года, средствами комического становятся использование клише (*революционное возмущение*), языковая игра (столкновение прямого и переносного значений – *кот Матроскин решил создать подпольную организацию. Он пригласил всех своих в подпол*), употребление в перефразированном виде прецедентных высказываний В. И. Ленина из разных работ («Маевка революционного пролетариата» (1913): «Для революции недостаточно того, чтобы низы

не хотели жить, как прежде. Для нее требуется еще, чтобы верхи не могли хозяйничать и управлять, как прежде»; «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920): «Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут постарому, лишь тогда революция может победить») [Полное собрание сочинений В. И. Ленина]. Эти прецедентные высказывания обычно цитировались в усеченном виде как формула «верхи не могут, низы не хотят», которая была широко известна. О биографии В. И. Ленина и его наиболее известных высказываниях младшие школьники советского времени были хорошо осведомлены, в отличие от своих сверстников постперестроечного времени. Таким образом, чтобы понять шутку автора, ребенок должен получить исторический комментарий, как и в случае со словосочетанием **черные полковники**. Оно появилось в русском языке во время военной диктатуры в Греции в 1967–1974 годах и было широкоупотребительным в советской публицистике, критиковавшей военный режим в Греции. Но с изменением политической ситуации это словосочетание ушло на периферию. Появление этой номинации обусловлено следующей смысловой параллелью: *авторитарная родственница-полковник / авторитарная власть военной диктатуры*. Ребенок понимает, что упоминание о черных полковниках связано с этим персонажем, но суть шутки для него остается неясной.

Языковая игра как самоцель, каламбуры ради занимательности и создания часто бессмысленной экспрессивности, шутка ради шутки – часто встречались и в публицистике, и в художественных текстах конца XX – начала XXI вв., и объектом, как правило, становилось прошлое, например:

Хорошо, что на берегу только осенний ветер гулял, рыбаков не было. А то бы рыбаки **с испугу** в речку попрыгали, на тот берег переплыли бы и **в партизаны ушли** [Успенский].

Партизанское движение обычно связывается с идеей сопротивления врагу, *уйти в партизаны* означало совершить героический поступок, подвергнуть свою жизнь опасности. В данном контексте эти важные ассоциативные связи отсутствуют, здесь уход в партизаны связывается уже не со смелостью, а с трусостью.

Если идеологические изменения трансформируют состав прецедентных имен, то изменения в общественном устройстве влияют на состав прецедентных ситуаций. Это также не все-

гда учитывается авторами, как, например, в следующем фрагменте анализируемой сказки:

Шарик в ответ:

– А я и не про вас говорю! – И дальше шпарит: Продолжаем последние известия. Новости с полей. На полях ничего нового. Все уже убрали: и картошку, и кукурузу, и свеклу, и помидоры, и арбузы, и ... бананы, и ... **студентов** [Там же]

Нами выделено указание на прецедентную ситуацию: обязательную в советское время работу студентов осенью на сборе урожая. С начала 90-х годов XX века подобные выезды не практикуются, соответственно, ситуация не может являться прецедентной для читателя-ребенка. Несомненно, здесь для ребенка комизм заключается лишь в соединении в одном ряду несопоставимых понятий – *овощи, экзотические фрукты и студенты*.

Как мы уже говорили, включение злободневных реалий в тексты детских произведений не всегда оправданно, поскольку эти реалии достаточно быстро устаревают. Интересно проследить, какие именно детали действительности 90-х гг. XX века нашли отражение в тексте сказки Э. Успенского.

В то время, когда экономика России находилась в упадке, большинство населения имело тяжелое материальное положение, в обыденную жизнь вошло понятие «гуманитарная помощь». Гуманитарная помощь шла из-за границы, в нее могли входить медикаменты, одежда, продукты. Упоминание о ней включается в текст без пояснения, как о явлении повседневности:

Почтальон Печкин их по дороге встретил и спрашивает:

– Это кто же вам столько посылок прислал таких красивых? И почему без меня?

– Это **гуманитарная помощь**, – говорит Матроскин. – Её сейчас прямо в руки передают, без посредников. Это питание для собак и кошек «Вис-кас» и «Соба-киска».[Там же].

В 90-е годы одной из проблем общества была активизация преступного мира, слово *мафия*, ранее употреблявшееся для обозначения зарубежных криминальных организаций, стало применяться к представителям российской организованной преступности. Показательно, что и в сказке о преступности говорится как о чем-то обыденном:

– Вот бы мне такой танк ненадеванный! – сказал Печкин.

– Зачем? – удивились все.

– Почту развозить. От собак отбиваться, **от мафии**. Да мало ли что, где дачники в машине застрянут, так я их танком вытащу. Я такой бизнес открою по вытаскиванию [Там же].

Первая половина 90-х гг. в России характеризовалась бурной политической жизнью, выборы были одной из наиболее часто обсуждавшихся тем. Эта деталь неоднократно зафиксирована автором:

1) Тесновато ей в Простоквашине. Ей бы на большой государственный простор выйти. Давайте её в Государственную Думу выдвигать [Там же].

2) Знаете, какая новость! Нашу тётю Тамару в городскую Думу выдвинули.

– Кто выдвинул? – спрашивает папа.

– Не знаю, – отвечает Печкин. – Может, народ, а может, президент Ельцин. Только её фотография во всё лицо у нас на двери почты висит [Там же].

3) И вокруг клуба было не продохнуть. <...> Ведь не каждый день на селе такой хороший религиозный праздник – встреча с кандидатами [Там же].

Полемика в связи с политическим разногласиями в то время была неотъемлемой частью жизни общества, разделившегося на сторонников капитализма и его противников. В комическом виде подобные дебаты отражены в тексте Э. Успенского:

Кандидаты начали перед избирателями выступать. Первой была тётя Тамара. Она так заговорила:

– Дорогие односельчане, мы с вами ясно понимаем, чем богаче страна, тем богаче мы. <...>Каждый лишний рубль мы должны отдавать стране. Потом она вернёт нам эти деньги! Она даст нам бесплатные поликлиники, бесплатные школы, бесплатные пенсии, бассейны и прочее.

А второй кандидат Толстов А. С. никак не был согласен:

– Дорогие односельчане! Ничего не надо отдавать государству. Всё надо оставлять себе. Не бывает лишних рублей! Чем богаче мы, тем богаче страна. А когда мы богаты, нам не нужно бесплатных поликлиник, мы в платные пойдём [Там же].

Полемика разворачивалась не только между политическими деятелями, но и между обывателями, в сказке Э. Успенского антагонистами по политическим взглядам оказываются Матроскин и Шарик:

– Знаешь ты кто такой? – говорит Матроскин. – Ты – **«пролетарий всех стран, соединяйтесь»**. Пролетал по жизни как бабочка и не заработал ничего.

– А ты куркуль, вот ты кто.

Матроскин не знал, кто такой куркуль. Он только сумел представить себе целый кулёк куриц и больше ничего. Но он понял, что это что-то очень обидное [Там же].

И вновь можно констатировать, что имеет место иронический взгляд на социалистическое прошлое. Перефразированное прецедентное высказывание становится источником для каламбура: *пролетарий* – *пролетал*. При этом суть каламбура может быть не ясна читателю-ребенку, не знающему слова *пролетарий*, которое вышло из активного употребления в силу смены идеологических векторов. Соответственно, младший школьник уже в начале 90-х годов не имел представления о том, что обычно оно употреблялось с положительной коннотацией, при этом в данном контексте оно, скорее, получает негативную окраску

Вообще, появление каламбура и любой другой разновидности языковой игры в тексте произведения для детей должно оправдываться не только стремлением к экспрессии, но и выполнять определенную смысловую нагрузку, быть доступным пониманию ребенка. Если этого не происходит, восприятие произведения затрудняется.

Одним из важнейших требований к детским произведениям является требование чистоты и правильности речи. Включение в текст стилистически сниженных слов, нарушение языковых норм может выступать как стилистическое средство, но к его использованию следует подходить очень взвешенно. После того как цензура была отменена, контроль уместности использования языковых средств остался прерогативой автора. Очевидно, мода на использование в речи просторечных, жаргонных, арготических элементов иногда мешала автору оценить, насколько необходимо включение конкретного слова.

В нижеприведенном фрагменте использование просторечия и нарушение грамматических норм может быть оправдано стремлением выразить отношение персонажа к ситуации, его эмоциональное состояние:

«Лучше бы она целую ночь **дрыхла!**» – подумал про себя Матроскин.

– Есть же вот люди такие **наоборотные**. Чем меньше они думают, тем больше пользы [Там же].

В следующем контексте необходимость просторечия, на наш взгляд, сомнительна:

Тут Шарик как **психически** закричит:

– Ага, воришка! Хватайку хотел украсть! Застрелю! – И своё фоторужьё схватил [Там же].

Отсутствие тематических ограничений приводит к тому, что явления действительности, которые традиционно осуждаются, например, употребление алкоголя, изображаются как нечто обыденное и нормальное:

Военные пенсионеры быстро стол накрыли. Выпили водки, закусили варёной картошкой [Там же].

Итак, подводя итоги нашего анализа, можно констатировать, что детская литературная сказка в период политических перемен в России претерпевает серьезные изменения, в ней находят фиксацию черты эпохи, в частности – отказ от прежней идеологии, ироническое отношение к ее ценностям, стремление к экспрессивности. Среди активно используемых для реализации данных интенций языковых средств следует назвать обыгрывание прецедентных высказываний, обращение к каламбуру.

Список литературы

Арзамасцева И. Н., Николаева С. А. Детская литература. Изд-во: Академия, 2005. 576 с.

Голявкин В. В. Мяч и чиж. URL: <http://mreadz.com/read337942/p14> (дата обращения: 10.05.2016)

Мардиева Л. А. Коллективная культурная память общества (прецедентные визуальные образы и феномены) // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2011. №3. С. 202–209.

Юань Дунбинь, Хабибуллина Е. В. Выражение категорий времени и пространства в современной литературной сказке // Филология и культура. Philology and Culture. 2014. № 4 (38). С. 221–228.

Успенский Э. Тетя дяди Федора, или побег из Простоквашино. URL: <http://bookz.ru/authors/uspenskii-eduard/uspened03/1-uspened03.html> (дата обращения: 10.05.2016)

Полное собрание сочинений В. И. Ленина. URL: http://bookz.ru/authors/vladimir-lenin-ul_anov/polnoe-s_420/page-22-polnoe-s_420.html (дата обращения: 09.05.2016)

References

Arzamastseva, I. N., Nikolaeva, S. A. (2005). *Det-skaia literature* [Children's Literature]. 576 p. Izd-vo, Akademiia. (In Russian)

Goliavkin, V. V. (2016). *Miach i chizh* [The Ball and the Siskin]. URL: <http://mreadz.com/read337942/p14> (accessed: 10.05.2016). (In Russian)

Iuan Dunbin', Khabibullina, E. V. (2014). *Vyrazhenie kategorii vremeni i prostranstva v sovremennoi literaturnoi skazke* [Expressing the Categories of Time and Space in Modern Literary Fairy Tales]. *Filologiya i kul'tura. Philology and Culture*, No. 4 (38), pp. 221–228. (In Russian)

Mardieva, L. A. (2011). *Kollektivnaia kul'turnaia pamiat' obshchestva (pretsedentnye vizual'nye obrazy i fenomeny)* [Collective Cultural Memory of Society (Precedent Visual Images and Phenomena)]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiiskaia i zarubezhnaia filologiya*, No. 3, pp. 202–209. (In Russian)

Polnoe sobranie sochinenii V. I. Lenina [Complete Collection of V. I. Lenin's Works]. URL: http://bookz.ru/authors/vladimir-lenin-ul_anov/polnoe-s_420/page-22-polnoe-s_420.html (accessed: 09.05.2016). (In Russian)

Uspenskii, E. *Tetia diadi Fedora, ili pobeg iz Pro-stokvashino* [Uncle Fedor's Aunt, or the Flight from Pro-stokvashino]. URL: <http://bookz.ru/authors/uspenskii-eduard/uspened03/1-uspened03.html> (accessed: 10.05.2016). (In Russian)

The article was submitted on 12.05.2016

Поступила в редакцию 12.05.2016

Юань Дунбинь,

преподаватель кафедры русского языка
Тайшаньского медицинского института,

Китай, провинция Шаньдун, Тайань, Чанчэн, 29
yuandongbin_zili@163.com

Хабибуллина Елена Викторовна,

кандидат филологических наук,
доцент,
Казанский федеральный университет,
420008, Россия, Казань,
Кремлевская, 18
elvikh@mail.ru

Yuan Dongbin,

Assistant Professor in the Russian Language
Department

of the Taishan Medical Institute,
29 Chanchengst, Taian, Shandong, China.
yuandongbin_zili@163.com

Khabibullina Elena Viktorovna,

Ph.D. in Philology,
Associate Professor,
Kazan Federal University,
18 Kremlyovskaya Str.,
Kazan, 420008, Russian Federation.
elvikh@mail.ru